Лекция 16

ҚАЗАҚСТАННЫҢ
АШЫҚ
УНИВЕРСИТЕТІ

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ, 2 ТОМ

ФИЛОСОФИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Метафизика Средневековья

Цель – анализ вопросов метафизики в философии Средневековья, в частности, в учениях Авиценны и Фомы Аквинского.

План
1. Авиценна о бытии, сущности и существовании.
2. Аквинский об актуальности и потенциальности.

Ключевые слова
Метафизическое мышление, бытие в качестве бытия, потенциальность и актуальность, сущность и существование, габитус, диспозиция, индивидуация, актуализация.

Данная лекция посвящена анализу вопросов метафизики в философии Средневековья, в частности, в учениях Авиценны и Фомы Аквинского, рассмотренных Энтони Кенни в шестой главе его книги.

В сочинениях поздних неоплатоников и Августина много сказано о метафизическом мышлении. Однако эти работы в большей степени связаны с рассуждениями о Божественной природе, и довольно сложно отделять метафизику от естественной теологии, поэтому Кенни рассматривает их в главе о Боге. Ситуация резко меняется, когда мы приходим к философии Авиценны, который несомненно был величайшим метафизиком первого тысячелетия нашей эры.

Аристотель, как известно, дает два определения первой философии: одно, что это была наука о Божественной субстанции, и другое – что это была наука, которая теоретизирует о бытии в качестве бытия. Оба определения, с точки зрения Кенни, совпадают. Таким образом, теология и наука о бытии в качестве бытия являются одной и той же первой философией.

Комментаторы Аристотеля обычно принимают эти два определения как разные, соревнуясь в рассуждениях о природе метафизики. Авиценна принимает тезис, что метафизика изучает бытие в качестве бытия, но отвергает идею о том, что предметом метафизики является Бог. Причины, почему он так считает, в следующем. Ни одна наука не может продемонстрировать существование своего собственного предмета. Но метафизика, и только метафизика, демонстрирует бытие Бога. Поэтому Бог не может быть предметом метафизики.

Бытие как объект метафизики является тем, чье существование не требует доказательств. Метафизика изучает бытие как таковое, а не отдельные виды бытия, такие как материальные объекты. Она изучает элементы аристотелевских категорий, которые являются видами бытия. Она рассматривает такие темы, как единое и многое, потенциальность и актуальность, универсальность и частность, возможное и необходимое – темы, выходящие за рамки естественных, математических и этических дисциплин. Это называется божественной наукой, потому что она рассматривает вещи, которые отделены от материи в их определении и бытии.

По словам Авиценны, первые идеи, которые впечатлены в душе – это вещь, бытие и необходимость; они не могут быть объяснены никакими более известными идеями, и попытка сделать это включает порочный круг. Каждая вещь имеет свою собственную реальность, которая делает ее такой, какая она есть – треугольник имеет реальность, которая делает его треугольником, белизна имеет реальность, которая делает ее белизной: это можно назвать бытием, но более подходящим техническим термином является «quiddity». Это лучшее слово, потому что «бытие» также имеет другой смысл – «существование».

Наиболее важным разделением между типами бытия является разделение между необходимым бытием и возможным бытием (здесь не идет речь о невозможном бытии). Возможным бытием является то, что само по себе не имеет необходимости быть; необходимым бытием является то, что само по себе имеет необходимость быть. То, что необходимо само по себе, не имеет причины; то, что само по себе возможно, имеет причину. Бытие, которое имеет причину, будет рассмотрено в отвлечении от этой причины; следовательно, это не будет необходимым бытием само по себе.

Кенни приводит здесь отрывок из Авиценны, который показывает существование первопричин необходимого само по себе. Дальше Авиценна перечисляет атрибуты этого необходимого бытия: оно беспричинно, несравнимо, уникально и так далее.

Пассаж Авиценны предполагает, что может быть один и тот же предмет, который вначале обладает небытием, а затем, на более позднем этапе, обладает бытием: X такой, что вначале X не существует, а затем X существует. Это очевидно, что-то совсем отличное от базового значения, что вначале имеет одну форму, а затем другую, как, в аристотелевской системе, кусок глины принимает различные формы или один элемент преобразован в другой. Но какой именно метафизической сущностью мы являемся неясно. Этот предмет, который переходит от небытия к бытию (и наоборот) – это Вселенная, или вид, или индивидуум? Когда мы читаем это пассаж, Авиценна хочет, чтобы мы имели в виду «когда-то Вселенная не существовала» или «раньше были динозавры, но теперь их нет» или «сначала Сократа не было, но потом он появился». Каждая из этих мыслей поднимает метафизические проблемы, но давайте сосредоточимся на последней из них, которая является ярчайшей и самой проблемной, говорит Кенни.

Конечно, до того, как Сократ существовал, не было такого предмета, чтобы иметь предикаты, прикрепленные к нему, или, если хотите, вокруг не было Сократа, который бы делал несуществующее. Похоже, сложно говорить о несуществующих лицах, из-за невозможности индивидуализации того, что не существует. Но как мы индивидуализируем то, что существует? Аристотель считал, что одна особь определенного вида отличалась от другой тем, что был участок различной материи. Но то, что не существует, не является частью материальной Вселенной и, следовательно, не может быть индивидуализировано материей. Но признает ли Авиценна, что материя – это единственная индивидуальная особенность?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно посмотреть, что Авиценна говорит нам о связи между универсалиями и частностями. Концепция может быть универсальной, говорит он, различным образом. Это может быть то, что на самом деле является истинным предикатом многих вещей, таких как человек. Это может быть что-то, что является логически возможным предикатом многих вещей, но на самом деле не так действительно зависящим от многих вещей. Здесь возможны два случая. Концепция семиугольного дома, говорит он нам, на самом деле не основана ни на чем, но нет ничего, чтобы остановить это универсальное многоразовое создание примеров. Концепция солнца, однако, действительно основана только на одном примере и не может быть предопределено больше, чем одной вещью; но эта невозможность, говорит он, заключается в физике, а не в логике. Люди довольно разные. «Индивидуальность – это то, что не может быть понято как нечто большее, чем одна вещь, как суть Зейда, которая не может быть понята, как принадлежащая никому, кроме него самого».

Рассмотрим понятие «лошадь». Мы можем рассмотреть это тремя способами: рассмотреть его бытие в индивидуальности, или в отношении его бытия в разуме, или мы можем рассматривать абстрактно, без ссылки на любое бытие.

Авиценна не говорит, в Платоническом стиле, что существует такая вещь, как конь сам по себе, кроме любой отдельной лошади. Лошадность – то, что происходит в индивидуальных лошадях, Беллерофонте или Эклипсе, и мы можем изучить ее, изучив эти индивидуальности. Мы можем рассматривать также понятие, как оно происходит в уме: когда мы говорим понятие лошади – это понятие легко достигается. Но мы можем также рассмотреть абстрактно, что вовлечено в бытие лошади, и рассматривать лошадность саму по себе.

Лошадность в индивидуальной лошади и человечность в конкретном человеке будут сопровождаться конкретными свойствами и обозначенными акциденциями, говорит Авиценна. Для Авиценны человечность в индивидууме сама по себе индивидуализирована. Хотя человечность Зейда и человечность Амира не отличаются друг от друга, совершенно неправильно думать, что они численно одинаковы: это не одна, а две человечности. Для Авиценны индивидуальность выступает также как родовая сущность.

Создание индивидуальных сущностей дает возможность индивидуации несуществующего бытия. Возникновение пара из воды можно рассматривать как дополнение в виде пара предсуществующей материи, которая раньше была водой, поэтому рождение Сократа можно рассматривать как дополнение существования к сущности, которой раньше не было. Предсуществующую сущность можно рассматривать как потенциальность, актуальность которой есть существование. Так появляются сущность и существование как третья пара потенциальность-актуальность наряду с материей-формой и субстанцией-акциденцией. Существование, говорит иногда Авиценна, это акциденция, добавленная к сущности.

В случае бытия, которое необходимо само по себе, нет вопроса о бытии после небытия, и различие между сущностью и существованием не возникает. Но во всех других видах бытия, по мнению Авиценны, разница очевидна. Со времен Авиценны некоторые философы соглашались с тем, что во всех случаях, кроме Божьего, есть реальное различие между сущностью и существованием; другие философы отрицали это, но все относились к этому вопросу как наиболее важному. Но важность вопроса зависит от того, в каком контексте выступает понятие «сущность» – в качестве родовой сущности или индивидуальной сущности.

Постулирование индивидуальных сущностей, хотя оно было влиятельным вплоть до наших дней, стало рецептом философской путаницы. Позвольте спросить, как индивидуальная человечность – скажем, человечность Авраама – сама по себе индивидуализирована. Это не индивидуализированная сама по себе человечность: это что-то общее между всеми людьми. Она не индивидуализирована принадлежностью к Аврааму: гипотетически, она могла бы существовать и быть индивидуализирована, даже если бы Авраам никогда не был создан, а оставался вечной возможностью. Это может быть только отождествлением, как говорит Авиценна, свойств и акциденции, которые его сопровождают – то есть сказать, что было истинно для настоящего Авраама – что он мигрировал из Ура Халдейского, исполнил божественное повеление пожертвовать своим сыном и так далее. Конечно, поскольку сущность Авраама была до существования Авраама, он не мог быть индивидуализирован актуальностью этих вещей, но только их потенциальностью.

Но до зачатия Авраама не было никого и ничего, что могло быть предметом этой потенциальности. Была только абстрактная возможность, что должен быть человек, который мигрирует из Ура, и будет готов принести в жертву своего сына, и так далее; это не было возможностью именно этого человека. Точно так же и до Ноя было задумано, но не было возможности, что именно он построит Ковчег, но только возможность, что кто-то построит Ковчег. Авиценна справедливо настаивал против Платона, что не было актуализации без индивидуации – не было никаких реальных универсалий в существовании. Жаль, что он не принял обратный принцип, что не может быть индивидуации без актуализации, резюмирует Кенни.

Идеи Авиценны были сильны на протяжении всего позднего Средневековья. Следы его мыслей часто можно встретить в творчестве Фомы

Аквинского, чей ранний метафизический манифест «О бытии и сущности» начинается с цитирования Авиценны, что бытие и сущность – первые вещи, схваченные интеллектом. По мере развития его мыслей, Аквинский разработал собственную версию аристотелевской метафизики, но никогда не отказывался от влияния Авиценны.

Ключевыми понятиями в метафизике Аквинского являются понятия актуальности и потенциальности. Он выводит эти понятия, очевидно, от Аристотеля и от комментаторов Аристотеля; но он применяет их в новых областях и с новой степенью сложности. Уже у Аристотеля эти понятия модифицированы различием между первой и второй актуальностью: Аквинский развил это различие в стратификацию уровней потенциальности и актуальности. У Аристотеля два основных примера структуры потенциальности-актуальности – это отношения субъекта и акцидента, и материи, и формы. Аквинский принимает и разрабатывает третий экземпляр дихотомии: сущности и бытия.

Аквинский посвятил пять вопросов «Суммы теологии», в «Prima Secundae», понятию габитуса. Непосредственная цель этого трактата (который, хотя и аристотелевский по духу, во многом оригинальное произведение) – это введение понятия добродетели. Но концепция габитуса имеет гораздо более широкое применение: это существенный элемент в характеристике специфического поведения человека и его опыта, хотя великие философы иногда ничего не подозревали об этом факте. Аквинский имеет то преимущество, что постиг важность концепции и был первым великим философом, осуществившим попытку полномасштабного анализа.

Примеры габитуса включают также – кроме добродетелей умеренности и милосердия – болезнь и здоровье, красоту и выносливость, знание логики и науки, убеждения любого рода и владение понятиями. Из разновидности примеров понятно, что слово «привычка» не подойдет в качестве перевода «габитус»; ближайший к этому понятию современный философский термин – это «диспозиция». К понятию диспозиции лучше всего подходить через понятия

потенциального и актуального. Человеческие существа имеют много возможностей, которых не хватает животным: способность учить языки, например, и способность к щедрости. Эти качества реализуются в действии, когда конкретные люди говорят о конкретном языке или выполняют щедрые действия. Но между потенциальным и актуальным возможно промежуточное состояние. Когда мы говорим, что человек может говорить по-французски, мы не имеем в виду ни то, что он на самом деле говорит по-французски, ни то, что его умение говорить по-французски – это просто логическая возможность. Когда мы называем человека щедрым, мы имеем в виду то, что у него есть способность к щедрости больше, чем у остальной части человеческой расы; но мы не должны иметь в виду, что он в настоящее время делает что-то щедрое. Такие состояния, как знание французского языка и щедрость – это диспозиции. Диспозиция, говорит Аквинский, это полпути между способностью и действием, между чистой потенциальностью и полной актуальностью.

Диспозиции являются качествами: они попадают в одну из девяти аристотелевских категории акциденции. Акциденции присущи субстанциям, и это также относится к диспозициям. Все атрибуты, акцентирует Аквинский, находятся в атрибутах последнего анализа субстанций, и все диспозиции личности являются диспозициями человеческого бытия. Убеждения, или великодушие, или здоровье, строго говоря, это человек, а не его разум, или его сердце, или его тело. Тем не менее бессмысленно спрашивать, скажем, является ли умение писать историю главным образом даром памяти или воображения. Спрашивать, есть ли что-то, что является диспозицией ума или тела, все равно, что спрашивать, принадлежит ли это человеку как интеллектуальному существу или как животному определенной конституции.

Рассуждения Аквинского об отношениях между субстанцией и акциденцией являются естественным развитием аристотелевского оригинала. Но одним из инновационных применений концепции Аквинского являются его рассуждения о Евхаристии, таинстве, в котором, как верят католики, хлеб и вино были изменены, по словам священника на мессе, в тело и кровь Христа. Субстанция хлеба, утверждал он, уступила субстанции тела Христа – это было превращение – и то, что осталось видимым и материальным на алтаре – были акциденции хлеба и вина. Форма, цвет и так далее хлеба остаются без субстанции, присущей ему.

Трудно решить является ли когерентным понятие акциденции, присущей субстанции. С одной стороны, идея улыбки Чеширского кота без самого кота кажется абсурдной; с другой стороны, в синеве неба нет ничего реального, и поэтому, возможно, это акциденция без субстанции. Но рассуждения святого Фомы не ставят своей целью объяснить присутствие Христа на алтаре. Во всяком случае, это определенное применение концепции субстанции и акциденции, безусловно, удивило бы Аристотеля, говорит Кенни.

Не так легко понять, что для Аквинского является отношением между индивидуальной сущностью и индивидуальным существованием. Есть ли реальное различие между существованием Петра и сущностью Петра – или между любым из них и самим Петром? Конечно, нет: кажется, что Петр, человечность Петра и существование Петра имеют точно такую же продолжительность; все они начинаются за несколько месяцев до рождения Петра и кончаются со смертью Петра.

Можно было бы поспорить о реальном различии между сущностью и существованием следующим образом. Хотя это правда, что существование любого существа сохраняется точно такое же время как и его сущность, есть разница в том, что его существование в одно время не имеет последствий для его существования в более позднее время, тогда как его сущность в одно время может иметь последствия для его существования в более позднее время. Человек имеет тенденцию жить в течение определенного времени; радиоактивный элемент, как правило, имеет тенденцию к уничтожению с определенной скоростью. Эти тенденции – часть относящихся к делу сущностей: потому что из того, что они есть, эти сущности, как правило, продолжают или прекращают свое существование. Сущность, следовательно, будет отличаться от существования, как причина – формальная причина, в данном случае – отличается от действия.

Бог есть чистое существо, утверждает Аквинский. Не только различие между сущностью и существованием, но и различия между другими формами потенциальности и актуальности – субстанцией и акциденцией, материей и формой – не имеют места, когда мы говорим о Боге,

ибо он – чистая актуальность. Эти доктрины будут проанализированы Кенни в заключительной главе его книги.

Таким образом, мы рассмотрели вопросы метафизики в учениях средневековых философов Авиценны и Фомы Аквинского, проанализированные Энтони Кенни в шестой главе его книги. В следующей лекции мы продолжим тему метафизики в философии Средневековья.

Вопросы для закрепления темы

1. Что является предметом метафизики, с точки зрения Авиценны?
2. Какое разделение между типами бытия является, по Авиценне, наиболее важным?
3. Как Авиценна объясняет различие между сущностью и существованием?
4. К каким последствиям приводит постулирование индивидуальных сущностей, по мнению Авиценны?
5. Какие понятия являются ключевыми в метафизике Аквинского?
6. Какое применение имеет концепция габитуса, впервые рассмотренная Фомой Аквинским?
7. Как объясняет Фома Аквинский введение в философию понятия диспозиции?
8. Каково инновационное применение концепции Аквинского об отношениях между субстанцией и акциденцией?

Литература

1. Anthony Kenny. Medieval Philosophy: A New History of Western Philosophy, Volume 2. – Oxford University Press. – 2014. – 352 p.
2. Кенни Э. Батыс философиясының жаңа тарихы, 2 том, Орта ғасыр философиясы. – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2018. – 400 б.
3. Рассел Б. История западной философии. В двух книгах. Книга 1. – М.: Миф, 1993. – 512 с.
4. Соколов В. В. Средневековая философия. – М.: Высш. школа, 1979. – 448 с.
5. Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии (латинская патристика). – М.: Мысль, 1979. – 433 с.